

One of the qualities of these metametaphors is that they can be simple or detailed comparison in terms of expressing, but the metametaphors – in terms of content. In the given examples of metametaphors generates a new principle of representation, which is created at the intersection of metaphoric and metonymical transformations.

The increase of the semantic volume of the notions, concepts or images, which were created with the help of metaphors, has a number of advantages. No doubt, this is saving in a text description due to implicit introduction of the reader's background knowledge and the ability to express the semantics that fails to respond to another statement.

The metaphor contains only original information and does not contain the trivial. One of the aesthetic criteria of literary text is that the text on each language level contains such information, the meaning of which can be opened only at a higher level. Thus, there were made the conditions for recognition of the artistic images and the intentions of the author of the text for the recipient / reader. T. Bernhard does not limit his characters with black-and-white characteristics, but sees them as people who are forced to perform a mechanical role in their life.

Conceptual metametaphors which occur at the level of one or several plays by T. Bernhard such as «people of art», «loneliness», «society», «government», «tenderness», «a man, a stranger to the world» form the concepts «professionalism», «dominance», «hypocrisy», «world», that contribute to the expression of a kind, distrustful and cold Bernhard's world.

Keywords: *dramatic text, concept, metametaphor (metatrophe), conceptual metatropes, compositional metatropes, operational metatropes, situational metatropes*

УДК 81:39

ПРИРОДА В «ЗЕРКАЛЕ» МЕТАФОРИЧЕСКОГО СРАВНЕНИЯ КАЗАХСКИХ И РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

**РУМЯНЦЕВА М. В., кандидат филологических наук, доцент,
заместитель директора Центра языковой подготовки
Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова
(г. Костанай)**

Статья посвящена вопросу использования образных сравнений, в которых агентом сравнения является географический или природный объект. В статье сравниваются произведения русских и казахских авторов, выделяются характерные черты художественного стиля для представителей каждого из этносов. Проводится исследование произведений таких авторов, как К. Паустовский, М. Пришвин, Д. Досжанов и многих других.

Ключевые слова: *метафорическое сравнение, агент сравнения, географический объект, ландшафт, картина мира*

Для наивной картины мира важными оказываются окружающий человека животный и растительный мир, а также климатические и географические условия определенной местности, являющиеся определяемыми базиса

© М. В. Румянцева, 2015

лингвокультурной ситуации. Ведь «... первое, что определяет лицо народа, – это природа, среди которой он живёт и вершит свою историю» [3, с. 54]. «Природа, климат, рельеф местности, где складывается этнос, – всё это способствует появлению «стереотипа поведения», именуемого национальным характером» [9, с. 87].

Цель исследования – проанализировать природные объекты в «зеркале» метафорического сравнения казахских и русских писателей.

Лингвокультурные стереотипы, рожденные по образу природных объектов, взаимообусловлены внутри одной языковой системы. Природные универсалии представляются как универсалии этнические, связанные с территорией локализации определенного этноса. При этом отмечается, что традиционность природной универсалии для народа и местности определяет прочность её вхождения в культурный и языковой фонд народа и широту её ассоциативного диапазона [5, с. 76-78].

О. А. Михайлова утверждает, что анализ наименований природных универсалий, используемых в качестве объектов сравнения, позволяет, во-первых, установить значимость той или иной реалии в хозяйственной жизни этноса, во-вторых, выявить когнитивные стратегии именования в языке, то есть установить, какие именно свойства воспринимает и отражает человек, связывая их с определенной природной универсалией [4].

Г. Т. Тавадов в этой связи отмечает, что ландшафты этнической территории запечатлеваются в сознании населяющих её людей в виде представления о «родной земле». «Некоторые элементы ландшафта либо в виде зрительных образов, либо в сочетании с топонимикой становятся своего рода символами этнической принадлежности. <...> Образы родной земли становятся не только частью нашей жизни, на них строятся наши мысли и чувства, прямо с природой не связанные» [8, с. 80, 89].

Так, длительное пребывание казахов в степи отразилось не только на материальной и духовной культуре, но и нашло свое отражение в языке, в менталитете народа. Степь является самой частотной лексемой среди объектов сравнения, обозначающих географические реалии. Со степью сравнива музыка казахов: *Народные мелодии, раздольные, как сами казахские степи, он исполнял виртуозно (К. Жумадилов «Лунная ночь»)*. Степь является мерилем эмоций и настроения человека: *Тяжело было видеть, как любимая томится грустью, такой же бескрайней, как и степь, в которой они живут (С. Шаймерденов «Перелетные птицы»)*. *Шофер...ни слова, ни улыбки – хмурый, неприветливый, как эта степь [1, с.86]* . *На душе у него было пусто, как в осенней, выжженной солнцем, пожелтевшей степи (Д. Досжанов «Лодочник»)*. Своеобразие степного пейзажа служит даже средством описания внешности человека: *... не нос, а нечто плоское, невзрачное, будто едва приметный бугорок в раздольной степи (А. Кекильбаев «Купы джиды»)*.

А вот самой частотной лексемой, называющей географический объект в рассказах русских писателей, является лексема *море*. В творчестве К. Паустовского, жившего и работавшего некоторое время в Одессе, находим морские зарисовки: *В сумерки луга похожи на море. Как в море, садится солнце в травы, и маяками горят сигнальные огни на берегу Оки. Так же, как в море, над лугами дуют свежие ветры, и высокое небо опрокинулось*

бледной зеленеющей чашей (К. Паустовский «Мещерская сторона»). Для М. Пришвина, писателя русского подстепья, море не является типичной географической реалией. Тем не менее, много путешествовавший и знавший море не понаслышке писатель довольно часто использует лексему море в качестве агента для своих сравнительных конструкций и посредством её создает яркие образы традиционной русской природы. Так, с морем он сравнивает степь, подчеркивая тем самым бескрайность русских просторов: *... до самого края земли откроется степь, далекая и ветреная, как море (М. Пришвин «Золотой луг»).* С морем у М. Пришвина ассоциируются нивы, колышущиеся на ветру и похожие на морские волны: *Кони во ржи, как в море, плавают ... (М. Пришвин «Матрешка в картошке»).* С морем сравним и осенний лес, завораживающий и баюкающий шумом отмирающей листвы: *... осенний лес мне становится как море, а полянка в лесу – как остров (М. Пришвин «Полянка в лесу»).* Огромным морем, возможно, никогда не виданным, но известным своей необъятностью со слов других людей, кажется маленьким героям М. Пришвина лесное болото: *... при первом утреннем свете им (детям) открылось болото, как море (М. Пришвин «Кладовая солнца»).* И, наконец, с морем сравнимо состояние души человека: *... как море, спокоен и силен, все тут мое: мои чайки, мои буревестники летают над морем, мои дельфины играют, мои волны выбивают из черных скал разноцветные камни (М. Пришвин «Славы бубны»).* У Л. Бородина находим сравнение печальных дум человека с морскими волнами: *Думы, одна печальней другой, как медленные волны, наплывали, и откатывались, и наплывали снова (Л. Бородин «Третья правда»).*

Довольно часто в русскоязычных рассказах встречается лексема *остров*, возникая в сознании авторов при описании осеннего сада или опавших листьев, плывущих по реке: *Каждое утро в саду, как на острове, собирались перелетные птицы (К. Паустовский «Желтый свет»).* Желтые листья плыли островами, цеплялись за коряги, останавливались (К. Паустовский. «Подпасок»).

В качестве агента сравнения лексема *море* у казахских авторов встречается редко. С морем в казахском сознании тоже сравнима великая степь, а также пески: *Степь в том краю холмистая, овражистая, обросла кустарником. Любо-дорого посмотреть на неё с Черного холма: точно море в бурю, она горбится высокими валами, кипит мохнатыми гребнями (М. Ауэзов «Серый Лютый»).* Осталась позади обшарапанная зимовка, пески лежали внизу спокойным морем и серебрились под светом луны (Д. Досжанов «Серебряный караван»). Но чаще авторы для своих сравнений выбирают лексему *волны*, при этом волны могут быть как на море, так и на озере или на реке: *У ног его колыхалось, мягко шелестело упругое, сочное разнотравье, будто накатывалась волна за волной в безбрежном море (О. Сарсенбаев «Когда цвела джида...»).* Оба войска не двигаются с места, но грозно колышутся, как морские волны, которые набирают силу перед бурей (М. Скакбаев «Поэт хромого Тимура»). И точно волны на озере ... покачивались, шелестя и шурша, спелые, рослые и сочные пырей и житняк (А. Кекильбаев «Купы джиды»). Конские спины кружились и дыбились, как волны на реке перед порогом (М. Ауэзов «Выстрел на перевале»). Саламат-ага глядел на крутобокие, как вздыбленные волны, барханы ...

(А. Кекильбаев «Встречный-поперечный»).

Примечательно, что в произведениях и казахских, и русских писателей в качестве агента сравнения встречаем лексему океан, виденный в кино или известный по описанию в книгах и дорисованный авторской фантазией. Д. Досжанов с океаном сравнивает бескрайнюю песчаную пустыню: *После ночного урагана пустыня была особенно тихой и неподвижной. Волны песка сейчас напомнили Зейнел океан, который она видела в кино, - такая же бескрайность, такие же перекаты, так и хочется полежать на волнах, понежиться под ярким солнцем, волны справа и волны слева, они идут вдаль, соединяясь с голубовато-серым небом на краю земли* (Д. Досжанов «У тигра своя тропа»). У К. Паустовского шум лесного массива сравним с шумом океана: *Леса шумели так, будто океаны прорвали плотины и затопливают Мещеру* [6,с.118]. Для М. Пришвина состояние больного человека ассоциируется с погружением в глубины океана: *Бессильный, в лихорадке, я повалился на кровать, и мне стало так, будто я погрузился куда-то в темное бушующее чрево океана: шум бора в ураган был как от волн, падающие на избушку сучья – как сломанные мачты; и были тут пушечные выстрелы далеких погибающих судов, и голоса о помощи, и стоны... А сам я был где-то глубже, внутри, во чреве океана* (М. Пришвин «Слуга времени»).

Из имеющихся на территории Казахстана водоемов особое внимание привлекают реки, от наличия которых зависит сама жизнь в степи или пустыне: *Двухсоттысячное войско, рекой разлившееся по степи, остановилось* (Д. Досжанов «Отрар»). Поэтому с рекой сравнимы мысли человека и даже его судьба: *Как обмелевшая река, вяло и неповоротливо текли его мысли* (Д. Досжанов «Лодочник»). На реку, текущую в песках, похожа судьба человека. *Как и степная река, бросаясь неожиданно в сторону, меняет русло, подмывает берега и оставляет на старом месте лишь пустое заиленное дно, так и судьба вдруг выталкивает человека наверх, на самый гребень волны, одарив неожиданным счастьем. Но потом вдруг потянет на самое дно, оставив наедине с бедой. Судьба, как и река,* (Д. Досжанов «Лодочник»). Среди объектов сравнения находим географические реалии – реки Талгар и Сырдарья, мощь и своеобразие которых были известны писателям: *Наверное, там, в вышине, сейчас бешено свистит шальной разбойничий ветер, сбивающий с ног, подобно потоку Талгар* (М. Ауэзов «Выстрел на перевале»). Дядя Барыпкел как раз такой, по своему нраву он похож на родимую нашу Сырдарью – течение у неё то с бурными водоворотами, то тихое, но никогда река не бывает похожа на застывшую возле плотины укрощенную воду (Д. Досжанов «Серебряный караван»). Географическая реальность Кызылкум тоже выступает в качестве агента сравнения для характеристики человека: *...Палмантай ушел особой дорогой – в пески, в глушь, одиноким бродягой, взбунтовался, как Сырдарья летом, как родные его Кызылкумы в бурю* [2,с.234].

Из традиционных географических универсалий, называющих водоемы, в рассказах русских авторов тоже находим наименование река. В русском сознании с рекой сравнима музыка, звуки шагов множества людей, а также настроение человека: *Льются ровным потоком звуки инструмента, текут величаво, как тихие воды, с малой зыбью* (Ф. Крюков «Сеть мирская»).

Говор людской пересыпается частой капелью, широкой рекой льется шелест, шуршанье шагов (Ф. Крюков «Сеть мирская»). Обратный путь она сделала со свежей душой, в настроении мирном и ясном, подобно вечерней речке, сменившей, наконец, пестрые зеркала дня ровным в тени блеском (А. Грин «Алые паруса»). Б. Можаяев с географической реалией – с тихой речкой Прокошей – сравнивает спокойную жизнь речного шкипера: *И потекла она, неторопливая, как Прокоша, спокойная шкиперская жизнь* (Б. Можаяев «Живой»). Дополняет картину лексема *ручей*, с которым сравнивается песня птиц: *Косач завел долгую, похожую на журчание ручейка песню. В ответ ему десятки таких же птиц ... затянули ту же самую песню. И тогда как будто довольно уже большой ручей с бормотаньем побежал по невидимым камешкам* (М. Пришвин «Кладовая солнца»). Песенка зяблика рассыпается тоже, как ручьи разбегаются (М. Пришвин «Друг человека»).

Нетипичными для лингвокультурологической ситуации русских писателей являются горы. Тем не менее, мы встречаем их в качестве эталона сравнения для болотных кочек: *... черные утята с черными лапками между кочками за маткой, как между горами* (М. Пришвин «Хлопунки»).

Для казахов горы были естественными границами и самым надежным убежищем от внешних врагов. Поэтому любая скала или горный хребет имели свои названия. И даже в качестве объектов сравнений видим имена собственные, именующие горы: *Близ перевала, на самом ребре, свисая в обрыв, росло несколько кустов смородины. Спелые, сочные ягоды на них были черны, как скалы Караш-Караша* (М. Ауэзов «Выстрел на перевале»). *Для нас всё это - недостижимые снежные вершины Каратау. А для тебя – раз плюнуть. Поднимешь трубку, звякнешь – и всё готово* (А. Кекильбаев «Соломинка удачи»).

Как показало исследование, образные сравнения с географическими реалиями в качестве агента сравнения часто, но не всегда носят денотативный характер, при котором сравнительный оборот порождается непосредственно окружающей человека действительностью. Чаще они отражают внутренний мир писателя, систему ценностей, этических и эстетических представлений в мировоззрении автора.

Список литературы

1. Белая аруана. Казахские рассказы. – М.: Худож. лит., 1976. – 471 с.
2. Досжанов Д. Серебряный караван: Повести и рассказы. / Д. Досжанов – М.: Худож. лит., 1985. – 400 с.
3. Мальцева Д. Г. Национально-культурный аспект фразеологии. Дис. на соискание... док. филол. наук: / Д. Г. Мальцева. – М., 1990. – 520 с.
4. Михайлов М. М. Образность как одно из качеств хорошей речи / М. М. Михайлов // Русский язык в школе. – 1991, № 1. – С. 84-86.
5. Пасынкеева В. В. Отражение этнокультурной ситуации во французских образных сравнениях / В. В. Пасынкеева // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах // Тезисы III Международной научной конференции. – Челябинск, 2006. – С. 76-78.
6. Паустовский К. Повести и рассказы. / К. Паустовский – Л.: Худ. лит-ра, 1985. – 320 с.
7. Пришвин М. Мои тетрадки. / М. Пришвин – М.: Худ. литература, 1957. –

724 с. (Собрание сочинений в 6 т. Том 4.)

8. Тавадов Г. Т. Этнология: Учебник / Г. Т. Тавадов. – М.: Изд.-торг. корп. «Дашков и К», 2009. – 408 с.

9. Хроленко А. Т. Этническое своеобразие языка фольклора / А. Т. Хроленко // Проблемы русистики (лексикология и грамматика). Тезисы Межрегиональной научной конференции. – Белгород, 1995. – С. 116-118.

References

1. White Aruana. Kazakh stories. - М: "Hudozhestvennaya literature", 1976. - 471 p.

2. Doszhanov D. Silver Caravan: Novels and Stories/ D. Doszhanov - М.: "Hudozhestvennaya literatura", 1985. – 400 p.

3. Maltseva D. G.. National-cultural aspect of phraseology. Dis. on competition ... doc. filol. sciences. – Moscow, 1990. – 520 p.

4. Mikhailov M. M. Imagery as one of the qualities of a good speech/ M. M. Mikhailov // Russian language at school. - 1991, № 1. – P. 84-86.

5. Pasyneeva V. Reflection of ethno-cultural situation in the French imaginative comparisons/ V. Pasyneeva // Word, utterance, the text in the cognitive, pragmatic and cultural aspects // Proceedings of the III International Scientific Conference. – Chelyabinsk, 2006. – P. 76-78.

6. Paustovsky K. Novels and short stories/ Paustovsky K. – L. Hudozhestvennaya literatura, 1985. - 320 p.

7. Prishvin M. My notebooks/ M. Prishvin – М.: Hudozhestvennaya literatura, 1957. – 724 p. (Collection of Works in 6 volumes. Volume 4).

8. Tavadov G. T. Ethnology: A Textbook/ G. T. Tavadov – М.: Izd.-bargaining. Bldg. "Dashkov&K", 2009. – 408 p.

9. Khrolenko A. T. Ethnic identity of folklore language/ A. T. Khrolenko // Problems of Russian Studies (lexicology and grammar). Proceedings of the Interregional conference. – Belgorod, 1995. – P. 116-118.

Статтю присвячено питанню використання образних порівнянь, в яких агентом порівняння є географічний або природний об'єкт. У статті подано порівняння творів російських та казахських авторів, наведено характерні риси художнього стилю для представників кожного з етносів. Дослідженню твори таких авторів, як К. Паустовський, М. Пришвін, Д. Досжанов і та багатьох інших..

Ключові слова: *метафоричне порівняння, агент порівняння, географічний об'єкт, ландшафт, картина світу*

Nature which is typical of the territory where a nation inhabits as well as climate and topography affect the national character, which is so-called stereotypical behavior. Linguocultural situation is determined by the climatic and geographical conditions of a particular area surrounding the human, animal and plant life affects the formation of a naive view of the world of an ethnicity.

Stereotypes associated with the images of natural objects are interdependent elements of linguocultural system. Natural universals are ethnic universals; they are connected with the territory of the localization of a particular ethnic group.

Analysis of natural universals is used as objects of comparison, allows us to set the importance of a particular reality in the economic life of the ethnic group and identify the cognitive strategies of naming, that is, to establish which properties are perceived and

reflected by the people in the language connecting them with a certain natural universal.

The article deals with the work of such authors as K. Paustovsky, M. Prishvin, D. Doszhanov, T. Ahtanov, A. Kekilbaev.

Landscapes of ethnic territory are imprinted as an idea of "native land" in the minds of the people who inhabit it. The fact that Kazakh people lived in the steppe for a long time is reflected not only in the material and spiritual culture, but also reflected in the language, the mentality of the people. As for the territory of the localization of the Kazakh people the great steppe and the sands are common. As an agent of comparison such lexeme as the sea is used by Kazakh authors rarely, while in the Russian stories, this lexeme occurs quite often.

Due to the fact that the Kazakh mountains have been natural borders and most reliable refuge from external enemies, their importance in the minds of the Kazakh people is proved by the fact that any rock or mountain range have had their names. That is why this agent of metaphorical comparison is used by the authors quite often.

Also common feature of the works of Russian writers is the lexeme island, through which a metaphorical comparison of the autumn garden or fallen leaves floating on the river is created.

Common to the works of Kazakh and Russian writers is the use as an agent of comparison lexeme ocean which has been seen in movies or known as having been described in books, and completed by the author's imagination. Also both Kazakh and Russian writers often use the lexeme river. In the stories of Russian authors a river is comparable to music, the sound of footsteps of many people, as well as person's mood. This image is more valuable in the works of the Kazakh authors because life in a steppe or a desert depends on the presence of rivers there.

Research shows that imaginative comparison through geographic realities often but not always has denotative character, in which the comparison device is generated by reality surrounding a person. To a greater extent, they reflect the inner world of a writer, system of their values, ethical and aesthetic ideas of an author.

Keywords: *metaphorical comparisons, agent of comparison, geographical feature, landscape, picture of the world*

УДК 7.071.1:783:7.046.3

РЕЛІГІЙНО-МІСТИЧНІ АСПЕКТИ ТВОРЧОСТІ А. ВЕДЕЛЯ

ТИЛИК І.В., кандидат мистецтвознавства, доцент кафедри академічного хорового мистецтва Київського національного університету культури і мистецтв (м. Київ)

Дослідження присвячено висвітленню релігійно-містичних аспектів творчості геніального українського композитора Артемія Лук'яновича Веделя (Ведельського) (1767 – 1808). Проведений у статті аналіз засвідчує, що художнє мислення А. Веделя було тісно пов'язане з православною релігійно-містичною феноменологією. Вона визначає образно-сміслові параметри творчого процесу композитора, як особливої форми релігійно-мистецького дискурсу, в якому енергія молитовного почуття актуалізується в музичних образах, відповідних життєвим переживанням митця. Це дає підстави трактувати творчість А. Веделя як унікальний культурно-історичний феномен, що закарбував неповторну специфіку духовного життя українського суспільства наприкінці XVIII ст.

© І. В. Тилик, 2015